

**THE TRANSCRIBED SPEECH OF ANDREY YUROV AT THE
CONFERENCE, SESSION 5**

*Andrey Yurov,
International School of Human
Rights and Civil Action, Russia*

Thank You. Dear colleagues I will speak Russian. So please prepare your devices for translation.

Я буду говорить по-русски, мне это будет немножко легче, хотя вам конечно значительно сложнее. Вот, но мы здесь не для того собрались, чтобы делать друг другу легче. Мы собрались для того, чтобы осложнить друг другу жизнь. Мы задаем сложные вопросы друг другу, так, ну это нормально. Мне очень приятно оказаться на этой конференции, и не только, потому, что тема очень важная, и не только потому, что она происходит в Ереване, прекрасном, но еще и по той причине, что я вдруг понял, что я очень давно не был на конференциях совершенно другого сектора. Я сам, с одной стороны действующий правозащитник, который работает на всем постсоветском пространстве, и даже больше, в регионе ОБСЕ. С другой стороны, я немножко социальный философ, и я очень давно не бывал на конференциях политологов. Я очень давно не слышал речи в духе реал политик, такие вот очень похожие на речи даже не ООН, и даже не Лиги Наций, а такого после Венского Конгресса. Вот где ничего нет кроме интересов, экономики, большой игры, вот я давно на таких конференциях не был и я ужасно рад, потому что это очень интересно.

А есть перевод? Нет перевода. Есть, да? Хорошо. Спасибо.

И поэтому действительно, мне кажется, что такие межсекторные встречи очень нужны, потому что, часто, политологи не знают на каком языке разговаривают правозащитники, а правозащитники, видимо, тоже не очень хорошо понимают, как разговаривают аналитики, политологи и другие специалисты. У меня несколько тезисов, каждый из которых можно развернуть даже не в выступление а в тему большой сессии, может быть даже конференции, я их просто предлагаю, как тезисы для дальнейшего размышления, не сегодняшнего. И может быть, они породят какие-то дискуссии сегодня вечером, еще как-то, да, в нашем круге.

Тезис первый. Когда-то, давным-давно, как вы все знаете, после Второй мировой войны был установлен некий новый мировой порядок, связанный с системой ООН, связанный, внимание, с ограничением суверенитета, ну во имя, понятно, прав человека и ряда других ценностей, ну и многими другими вещами. В каком-то смысле, венцом на пространстве севера нашей планеты стали соглашения, совещания, а потом и организации по безопасности сотрудничества в Европе, где по большому счету была предъявлена идея, что, с одной стороны политика, с другой стороны экономика и развитие, и с третьей стороны человеческие измерения или права человека неразрывно связаны, и мы должны их рассматривать только вместе. Все остальное бессмысленно. И ОБСЕ сыграла очень важную роль в самом конце 80-ых и в середине 90-ых годов. Тем не менее, мы сейчас наблюдаем крушение самой этой системы, в целом, когда формально мы все еще живем в поствоенном мире, но на самом деле мы живем в мире пост-поствоенном, где многие институты международные носят исключительно, бутафорский характер, исключительно ритуальный характер, они уже больше не решают реальных

вопросов. Реальные вопросы решают реальные, очень крутые дяди и тети. Вот они решают самые настоящие реальные вопросы, а вовсе не те международные организации. И в этом смысле мы действительно возвращаемся даже не к началу 20-ого века, после первой мировой войны, мы возвращаемся к ситуации до первой мировой, когда, нет больше ни принципов, нет больше международного права, есть интересы и есть большие игры, и мы рассуждаем какой из «паханов» будет крышевать какую малую страну. Совершенно серьезно вот мы это обсуждаем в 21-ом веке, когда готовимся, так сказать, к совершенно новому человечеству. Ну, вот так мы, ну что делать, такой мир. Мы вынуждены вернуться к нему, как будто, на сто лет назад. Нет, не на сто, на двести. Венский конгресс 1814-1815 год, прошу прощения, я ошибся на сто лет.

Вторая вещь. То есть первый был тезис, что поствоенный мир рухнул и мы с этим должны что-то делать: либо его восстановить, либо смириться с тем что есть, либо построить что-то новое. Второй момент связанный как раз с идеей триады ОБСЕ, но я не про саму ОБСЕ, хочу сказать. То есть мы либо говорим о том, что экономика, политика, безопасность и права человека являются важнейшими общими составляющими, либо мы действительно их разделяем и мы говорим о том, что вот экономически как хорошо, вообще хорошо, и, например, ради энергетической безопасности торговать с диктаторскими режимами. Не, что вы, что вы, я не про присутствующих, я про Центральную Азию, все совпадения случайны. Это же хорошо, так здорово торговать, например, с Туркменистаном и поддерживать совершенно людоедский режим. Это ведь нормально, зато- экономическая независимость. Понимаете, вот для меня это довольно сложная штука: насколько, мы говорим о единстве принципов и ценностей, и безусловно, развития, либо

мы их разделяем и говорим только о том, где и какой коридор проложить, в притом, что забываем, что через пятнадцать лет благодаря солнечным батареям в виде черепиц Илона Маска или его ракетам, все эти транспортные коридоры энергетической безопасности не будут иметь никакого смысла, вообще. Все, о чем мы здесь рассуждаем через пятнадцать лет будет просто забавно, но мы продолжаем это делать.

Третий вещь. По поводу НАТО, как не странно, хотя я в общем мало в этом что понимаю. У меня единственная большая такая проблема, такой вопрос, прежде всего к Западу: действительно ли НАТО остается политической организацией, в том числе продвигающей такие ценности как демократия, права человека и верховенство прав. Или это давно уже стало ложью и продвигаются исключительно узко-политические интересы. Неизвестно чьи, я не политолог. Вот для меня это принципиальный важный вопрос, потому что, например, вся кампания за выступление Украины или Грузии в НАТО идет не вокруг безопасности, а вокруг того, что мы наконец вступим в клуб самых демократических и самых правозащитных стран в мире. Вот для меня это очень важная вещь связанная, подчеркиваю, как правозащитника, с тем насколько такая риторика является лживым. Потому что мне, например, кажется, что самым большим вызовом НАТО является не Россия, не Китай, не Иран, а нынешняя, я имею в виду только последний год, нынешняя ситуация в Турции: когда десятки правозащитников брошены в тюрьмы, сотни журналистов, тысячи преподавателей университета таких же, как этот уволены, и эта страна член НАТО. То есть, возникает вопрос, внутри НАТО можно все это делать? Это норма? Это нормальная ситуация? То есть для меня, например, это очень серьезный вызов, это не плохо, не хорошо, я не собираюсь

критиковать политику Турции. Я как правозащитник, я естественно, критикую те конкретные нарушения прав человека, какие есть, а все остальное не мое дело, я не участвую в политических или военных дискуссиях. Но для меня это очень серьезный вызов к Западу. Насколько он осознает, что, все таки, то, что он строит, это про ценности или, все таки, это про жесткие геополитические интересы и жесткую большую игру. Этот вам ответ, к сожалению, придется давать. Тем более при нынешних сменах различных правительств.

Четвертый тезис. Может быть, но это уже очень узкая вещь, но это тема здесь звучала, с точки зрения прав человека, именно прав человека, в каких-то минимальных стандартов верховенства права, именно Кавказ мог бы стать инициатором единых подходов к территориям с, скажем так, специальным статусом. Я имею в виду стать локомотивом таких дискуссий в ООН, в ОБСЕ, в Совете Европы. Это прежде всего вопрос прав человека и вопросы гуманитарные, допуска туда журналистов независимых, допуска туда правозащитников, и так далее. То есть, до сих пор, мы живем в состоянии, ну в общей неопределенности, а так как количество таких территорий на пространстве даже не мира, а Совета Европы как-то так, почему-то увеличивается, то возможно пришло время поставить какие-то общие вопросы: как что и как с этим быть.

Пятый момент, это скорее мой вопрос правозащитника к политологам, вопрос открытый, вопрос риторический. Вот, мне очень интересно, когда мы рассуждаем про вопросы безопасности в тех или иных странах, насколько на вопросы безопасности влияет то, насколько эта страна открытая, демократическая, там соблюдаются права человека и верховенство права. Или наоборот, открытость и демократия в этой стране делают ее слабой. И вообще-то хорошо для

безопасности, иметь у себя диктаторский режим. Это очень серьезный вопрос, очень непростой. То есть, кажется, вроде бы, у нас все убеждают, что прямой путь к безопасности всеобщей, это всеобщая демократия. Я как правозащитник, с этим хотел бы согласиться, но насколько с этим согласно население, насколько с этим собственно согласны даже, так сказать, не элиты, но значительная часть более-менее просвещенного общества этих стран. Это принципиальный вопрос, от которого в последние двадцать лет все стараются уходить, понятно постоянно используя всю эту риторику демократия и верховенство права, и так далее, для того чтобы естественно получать бесконечное количество западной помощи, потому что если ты не будешь говорить этих слов, никакой западной помощи, конечно же, не будет. Это ритуальное заклинание, для меня очевидное, и я никого не ругаю, я понимаю зачем эти заклинания происходят. Две последние вещи.

Шестое, это роль неправительственных организаций. О чем здесь тоже несколько раз упоминалось. Вот, с моей точки зрения, самое, наверное, неприятная вещь, которая произошла за последнее 20-25 лет в мире, и в том числе в регионе ОБСЕ, гражданское общество тоже очень ослабло, и особенно оно ослабло как единое, более-менее солидарное международное, оно разделилось на маленькие кучки национальных организаций, которые сами по себе очень слабы внутри стран и очень слабо поддерживают друг друга. Иногда очень слабо, потому что не могут, иногда очень слабо, потому что не хотят, в связи с тем, что они тоже подписываются под общенациональные конфликты, значит, как это, конфликтуют государства, гражданское общество к сожалению, тоже включается в этот конфликт и мы это видим в последние, там 5-10 лет и очень активно, отдельные лишь единичные случаи,

когда есть сильное противостояние собственному тренду, тренду собственному государству во имя солидарности и взаимоподдержки. А что с этим делать, как развивать, как противостоять этому тренду - очередной открытый вопрос.

И последний, такой же открытый вопрос, может быть в таких процессах как Транскавказский, и, вообще, сложные, современные процессы, связанные с безопасностью и одновременно процветанием, правами человека, демократией и так далее, снова, быть может, будет повышена роль интеллектуалов, и не только академических интеллектуалов, но и интеллектуалов в целом. Вот способны ли сейчас интеллектуалы ставить такие вопросы как они ставили между двумя мировыми войнами или 60-ые годы, когда в общем роль интеллектуалов европейских как левых, так и правых была колоссальной для, вообще, реформы всей современной Европы, как мы ее ныне знаем. Для меня это уже вопрос открытый и так как я намного меньше общаюсь, к сожалению, с академическими структурами, в том числе с академическими интеллектуалами, для меня это скорее вопрос к своим друзьям и партнерам, тем правозащитным сообществам, с которыми я непосредственно работаю. Большое спасибо. Надеюсь, я вас не очень утомил.

Thank you, also thank you for keeping the time.